

Имя писателя Олега Кузнецова хорошо известно как взрослым, так и юным читателям-островитянам. На счету нашего земляка, члена Союза писателей России, более десяти книг, вышедших в разные годы в Москве, Хабаровске и Южно-Сахалинске. Среди них «Лагуна», «Они судьбу не выбирают», «Быль о седом калане», «Ребята, Тимка потерялся», «Роса на водорослях» и другие. В год своего 65-летия О. Кузнецов закончил очередной роман «Возле моря», который в ближайшее время и выйдет в Сахалинском книжном издательстве. В новой остро сюжетной книге перед читателями предстанет полная драматическая история Сахалина и его рыбных промыслов начиная с конца XIX века и кончая нашими днями. Читателя, как и в других произведениях писателя, ждет встреча с интересными персонажами характерами, с большой любовью и неизбежностью утрат... Сегодня мы предлагаем читателям «Советского Сахалина» отрывок из нового романа писателя.

РАЗМЫШЛЕНИЯ Карикумбе оборвал голос Моритики.

Айну повел глазами — у дома стояли синдо и русский хозяин. Хозяин помахал рукой, как нерпа ластом, — на себя. Карикумбе уже знал, что означает такое помахивание: просит подойти.

Туземец подошел, и Моритики сказал ему, что господин приглашает в дом — хочет угостить и побеседовать.

Айну заулыбался: интересно, чем угостит русский хозяин? В тот раз, когда он искупался в море, было много сакэ. Но в большом доме могут быть и другие напитки? И еще он очень хотел увидеть совсем близко необыкновенную женщину.

Русский хозяин, пропуская Карикумбе вперед себя, поговорил немного с девушкой, тоже красивой, и та положила на пол много обуви. Смешной какой-то. Пальцы есть куда сунуть, а дальше — только подошва.

Моритики шепнул, что это шлепанцы, можно надеть, но сам прошел в залу в белых носках; айну последовал за ним босой, и сразу ему понравилась мягкая приятная застилка под ногами, и на ней — цветочки, какие — не разобрать, их сильно растоптали. На этих цветочках и сидеть было бы мягко, но Моритики опять шепнул: сюда, в кресло.

У-у, что за чудное кресло! В нем бы спать. И ему, правда, захотелось уснуть — глаза прижмурил.

Появилась та же девушка — принесла на совсем плоской тарелке светлые стаканчики, уже полные; и тонкие кусочки хлеба; на одних — мясо, как листики ивы, на других — икра горбуши. Забавно, однако, положили!

Моритики сказал айну: Иннокентий Петрович предлагает выпить, хозяину кажется, что гости озябли, нужно согреться.

Карикумбе тут же выпил и приоткрыл рот — крепкая, хорошая водка! И показал на стаканчик: еще туда.

Девушка глянула на Иннокентия Петровича. Тот сказал глазами: можно.

* Инау — своеобразный человечек, сделанный из стружек, умеющий излагать богам просьбы людей.

колышки. И засмеялся. И она засмеялась и о чем-то, а возможно, о нем, Карикумбе, спросила у Моритики.

Японец ответил растянуто и скучно. Чего это он? Наговорит еще о Карикумбе всякого.

Иннокентий Петрович взял бутылку и аккуратно наполнил стаканчики. А необыкновенной женщине почему-то не налил? Почему он ее обижает? Неужели жадный?

— Дария! — произнес Карикумбе и показал на стаканчик. Необыкновенная женщина замахала руками: нет, нет, не хочет. И немного поморщила носик.

Это айну понравилось. Ему оставляет. Наверно, у них в доме всего одна бутылка.

И Моритики чуточку отпил и поставил стаканчик.

— Карикумбе, ты знаешь

насупился. И губы выпятил — задумчивый у него вид, важный, конечно, получился. Затем выпил и снова задумался.

Вдруг он вскинул руки и уловил при этом, как необыкновенная женщина вздрогнула в испуге, замахала ими, точно крыльями, и загудел:

— У-уууу... У-уууу!

Карикумбе гудел то тихо, словно неподалеку под ветром шелестели деревья, то — сильнее, как рокочет море, когда разыгрывается шторм, то — во всю мощь голоса, страшно, как будто и над тайгой, и над морем бушует ураган, и нет от него спасения, то снова — негромко, с растяжными переливами: дескать, все вокруг успокаивается и скоро станет солнечно и тепло.

заметил не любопытство, а какие-то веселые огоньки. Умный все-таки хозяин: что-то понимает.

И тогда Карикумбе заговорил громко и горделиво, глядя искоса вверх, в угол. И, сделав паузу, сказал Моритики:

— Теперь — ты!

Моритики скашлянул и начал переводить:

— Я — Филлин. Я вел свободную и счастливую жизнь у богатого рыбака моря.

Я любил садиться на деревья около жилищ, которые ближе к лесу были. Сидел и смотрел на людей. Кто к речке на рыбалку пошел, кто уже рыбу варил, а кто ничего не делал — только трубкой дытил.

Как-то я увидел женщину. Ой, какую же красивую! Такую красивую, что, наверно,

лась, тем тоскливее мне делалось. Особенно тоскливо было ночью. Но я сидел на дереве, ожидая рассвета, ожидая ее.

Моритики покашлял в кулак и добавил:

— Приблизительно такой смысл.

Как только он смолк, Карикумбе продолжил. Но голос его понизился от грусти.

— Я понял: полюбил эту женщину. Так полюбил, что если не видел ее, то не хотел ни летать, ни рыбу ловить. Даже жить не хотелось — вот как крепко полюбил ее!

А жила она у большого мужчины. Это был Человек, воспитавший себя Сам. Оно и верно, умный был, самостоятельный, храбрый. Все его уважали. Как с таким говорить?

Но я решился. Влетел в жилище мужчины и сел напротив него.

Айну уперся руками в колени, развернув в стороны локти — он, похоже, изображал нахваливающую грозную птицу.

— Человек, воспитавший себя Сам, кажется, догадался, что я не совсем птица. Может, он подумал, что я дух какой-то. Вежливо пожелал мне доброго утра. И все, больше ничего не сказал.

Я произнес: — Пусть я не очень видный и сильный, но я хочу видеть твою женщину в моем доме, ближе к выходу, где и положено сидеть жене.

Человек, воспитавший себя Сам, нахмурился и обозлился:

— Ах ты!.. бесполезная птица в жестких перьях. Да как в твою маленькую голову такое пришло? Я себе и представить не могу, чтобы моя женщина... Убирайся!

Карикумбе неожиданно спросил японца:

— Ты так говоришь, как я?

— Да. Сказка твоя длинная?

— Сейчас услышишь самое интересное. Пересказывай точно. — И он произнес с возмущением:

— Услышав эти оскорбительные слова, я тоже очень обозлился. С шумом вылетел из жилища, пометался из стороны в сторону, чуть о скалу не ударился, хотел в море улететь, но, заметив высокую жердь, украшенную стружками — инау*, — сел на нее. Для любого айну — это талисман для улажнения богов, спутник и посредник, понимающий их слабости и слабости людей. В нем заложено умение влиять на божества, и, значит, надо у них просить и просить чего хочешь. Да, в ту минуту я был уверен: без инау мне ничего не добиться.

Айну озябело поднялся, запырил в резком ритме с ноги на ногу, хлопая шлепанцами; лицо его стало решительным, как у воина, готового к сражению.

Моритики никогда не видел туземца таким развязно-смелым, понимал, что водка расхрабрила его. Не вытопил бы чего неприличного. Стыдно будет ему, Моритики, перед Иннокентием Петровичем и особенно — перед его женой.

А Карикумбе, очевидно, на самом деле задумав произвести на всех сильное впечатление и как бы между прочим нагнать побольше таинственности и страху, вдруг захохотал нечеловеческим смехом и, раскинув в стороны руки, закружил по зале, выкрикивая фразы:

— Я до того сильно и пронзительно ухал, — говорил вслед за Карикумбе японец, — стонал и вопил, что от всех моих криков насторожились в лесу крупные звери и путились мелкие, в воде всплескивала рыба, из жилищ выходили люди. А я кричал и кричал. Я просил богов помочь мне и посылал проклятия мужчине.

Человек, воспитавший себя Сам, мучился от моих криков. Он не мог уснуть, всю ночь ходил по жилищу, закладывая уши руками. Он хотел куда-нибудь деть свою голову. Но куда же денешь?

Карикумбе повертелся — «полетал» — вокруг хозяина дома, разбросав шлепанцы, и остановился перед хозяйкой, словно объясняя ей:

— Перед рассветом мужчина совсем ослаб — заболел его дух, охранявший и покой, и здоровье, и рассудок. И вот он выбрался из жилища и сказал:

— Филлин, не сердись больше. Перестань!

Я слетел к нему.

И тут Человек, воспитавший себя Сам, проговорил:

— Я отдаю тебе мою женщину.

Карикумбе вернулся в кресло.

— Тогда во мне исчезла вся обида. Я превратился в человека и женился на женщине, которую полюбил. Мы жили хорошо, и я повсюду возил ее с собою.

Туземец снова поднялся, но теперь неторопливо, с достоинством и, глядя на Дарью, произнес последние слова:

— Так я из птицы стал человеком. Теперь я с людьми одной крови. Их родственник, и горжусь этим.

Он подобрал с ковра шлепанцы, сунул за полу своей одежды и удалился.

Все молчали. Тишину нарушил Иннокентий Петрович:

— Почему он так внезапно ушел? И зачем ему, как говорила моя бабушка, шаркалки?

Моритики ответил, что Карикумбе, вероятно, решил, что Дарья Ивановна сделала ему подарок.

Дарья была немного бледна. Вымолвила тихо:

— Что-то в нем страшное есть.

Моритики вежливо сказал, что, по его мнению, Карикумбе быстро опьянел, а пьяный он любит покуражиться.

Возле моря

Отрывок из нового романа

сказки, легенды, какие-то предания стариков?

— Трунка знает.

— У нас нет времени искать Трунку. Сам можешь рассказать?

— Вспомнить надо.

— Так вспомни. Дарья Ивановна послушала бы.

Зачем он так гудел, и сам не знал. Но ему сладко было оттого, что необыкновенная женщина сидела послушно, как заговоренная шаманом, и в больших глазах ее светилось столько любопытства, что Карикумбе хотелось вскопчить и обнять ее.

А русский хозяин смотрел спокойно; в его глазах айну

от одного конца побережья до другого нет ей подобной. Я смотрел и смотрел на женщину, за каждым ее движением следил. Когда она куда-нибудь шла, я летел чуть в стороне от нее — сопровождал и охранял. Когда же она входила в жилище, я опускался на дерево и ждал ее. Чем дольше она не появля-